

ВОЛГА, ВЯТКА, ОКА И КАМА...

Волга, Вятка, Ока и Кама – вот четыре родных сестры.
Между этими берегами пращур мой разжигал костры.
Волховал, приговорясь к севу, и поглаживал оберег,
Чтоб вовек родовое древо пило воду из этих рек,
Чтобы бьющийся слева бакен направлял бы уключин скрип,
И горел бы огонь прабабкин и прадедов на спинах рыб...

Начинала цвести ясколка, разливался в лугах апрель,
Лучше няньки качала Волга лодку – мамину колыбель.
Знали слово «война» с пелёнок, но хранил беззащитных Бог,
И от «воронов» да воронок он судёнышко уберёт, –
Только омуты да стремнины, но недаром родня ждала:
Скоро доктором станет Нина, будет новая жизнь светла...

Вечный зов соловьиной Вятки, зачарованный край отцов:
Здесь писал угольком в тетрадке душу русскую Васнецов.
Здесь грозила судьба расстрелом в сорок первом за колоски...
По сестрёнке, навеки в белом, плакал Ванечка у реки...
И остались они живые, целых пятеро, мал мала...
Славный врач из Ивана выйдет, будет новая жизнь светла...

Первый скальпель, уколы, грелки и родительский непокой:
Это я родилась на Стелке, между Волгою и Окой.
Если есть у свободы запах, это запах родной реки.
Напиши-ка, смеялся папа: *наши с Вятки-де вы с Оки.*
Вслед за мамою *ехал Грека через реку, а в реке рак,*
И молочными были реки, и кисельными берега...

Утка в море, хвост на заборе, Волга зыбает корабли,
В Жигулях Жигулёвским морем нарекли её журавли,

Натянув тетиву рассвета на Самарской Луки изгиб, —
Это красное пламя ветры зажигают на спинах рыб,
Это похвист далёкой Стрелки, что почувствовал печенег
По вибрации крупных, мелких — всех впадающих в Каму рек.

«Ты — река! И теперь ты — Кама!» — крикнут белые берега.
Может, это такая карма? Может, это одна река?
Может, это игра течений? Может быть, по воде круги —
Многоочия изречений той одной, родовой реки?..
Волга, Вятка, Ока и Кама, — и щепотью ведомый перст
На груди четырьмя штрихами, как судьбину, выводит крест.

ДЫШУ КАЗАНЬЮ

Дышу Казанью, дышу по-русски,
дивлюсь одеждам и языкам,
одолевая подъёмы-спуски,
иду — заветный ищу сезам.

Иду доверчиво мимо кассы —
коплю удачу по мере сил.
Перебежала Булак на красный,
а полицейский меня простил.

Дорожек каменная мозаика,
ворот и крыш вековая скань, —
моя таинственная хозяйка,
моя возвышенная Казань.

Коснусь чугунного парапета
на Лобачевского — вот и дом:
здесь бьётся сердце того поэта,
который в сердце живёт моём.

Закатной охрой крыльцо облито...
Уж не от этого ли столба
берут начало твоя планида,
счастливый крест и моя судьба?

МОЛОДЕЦКИЙ КУРГАН*

В Жигулёвских горах атаманят ветра,
А лесную тропу сторожит мошकारа.

Но ведут на вершину чабрец и полынь —
И в глаза не вмещается волжская синь.

О пристанище-вольница буйным богам!
Дай примерить твой шлем,
Молодецкий курган!

Эту гордую реку ты выгнул дугой,
Эти камни под Стенькиной были ногой.

Эти русские волны, послушно дружны,
По-персидски расшили накидку княжны...

Там, где Волге в подмогу впадает Уса,
Поднимают утёсы свои паруса.

Города и деревни поют вдалеке
О великой реке, о Самарской Луке.

Только Девья гора не поднимет лица —
Уронила чело на плечо Молодца.

И впечатаетшь в память гряды за грядой,
И Лепёшку запьёшь родниковой водой.

И, не вытерев капель с горячей губы,
Обернёшься на зов Жигулёвской Трубы**

* * *

Мне снилось: над степью и Волгой
Горящий летел самолёт,
И падал горячий осколок
Туда, где купался народ.
Глаза у забывшего шалость
Сынишки тревогой полны,
И девочка с криком бежала

* Молодецкий курган, Девья гора, Лепёшка — названия гор в Жигулях;

** Жигулёвская Труба — залив и одноимённый овраг

Ко мне от бурлящей волны.
Последние вспыхнули кадры
Пожара над степью — и мгла...
Я сон позабыла назавтра.
Беда не забыла — пришла.

Садится остывшее солнце,
Чернеющий день моросит,
И мне, может быть, остаётся
У неба прощенья просить —
За сон, что беду напрозорил,
За грубо оборванный путь.
Знобит, и наброшен платочек
Концами крест-накрест на грудь.
Преследует запах полынный
И девочкин профиль в дыму.
И мальчик, похожий на сына,
Растерянно смотрит во тьму...

ТАБЛИЧКИ СИНИЕ ПРИЧУДЛИВО МЕШАЯ

Где майский Бор полощет даль
За Красной Горкой,
Дают младенчеству медаль
За город Горький.

Качает ласково у Лыскова водица,
Чтоб до Макарьева дойти и воротиться.
А там зефиры куполов — тебе гостинец.
Кто воротился, назовётся Воротынец.

Идёт родимое, да вспять,
Оброк взимает,
Ершистый Сундовик опять
Мосты ломает.

По бездорожью, по песку до Сельской
Мазы
Возили зилы и чумазые уазы.
Но был так светел уголок и ласков
слишком,
Что назывался он не Яром, а Яришком.

Опять зовут к себе пожить
Валки, где волки,
И шустро Керженец бежит
До самой Волги.

Ступая в след, созвучно папиной походке,
Ищу не отдыха себе — ищу Работки.
И вот когда землю в ноги задышит чаще,
Внезапно Выползово выползет из чащи.

Я здесь, живая, во плоти,
Промолвлю тихо:
Хотя б пушинкой прилети,
Перелетиха!

Таблички синие причудливо мешая,
Со мной в лото играет девочка смешная
С далёкой улицы того, кто всех живее, —
Она жила когда-то здесь и не жалеет.

ЕЛАБУГА

*Рахиму Гайсину,
Эдуарду Учарову,
Евгению Морозову*

1

В Елабуге сердце ищет
Сокровища древних лет...
Над Чёртовым городищем
Звезда прочертила след.
Безжалостный день вчерашний
Под корень крошит века,
Но крепкою пломбой башня
Стоит на горе пока.
А всадник на лобном месте
Поводья зажал в горсти.
Над Камою полумесяц
Подковой в ночи блестит.

2

Елабуга, ты запала
В меня белизной берёз.
Часовня Петра и Павла
Ослепла от долгих слёз.
На серых камнях дорожек
Рябиновый бьётся след.
Приводит сюда прохожих
Марины нетленный свет.
Отцовыми именами
Сроднились навек с тобой.
Позволишь ли между нами
Тебя называть сестрой?..

3

Елабуга, муза марта,
Пролеска грядущих дней,
Высокая песня барда
Летит из груди твоей
За дверь университета
И выше кирпичных стен –
Туда, где кричат поэты
На вымученном листе,
Где Шишкин кистями сосен
Расписывает пейзаж...
Елабуга, сколько вёсен
Возьмёшь ты на карандаш?..

ПЕСНИ МАРИЙСКИХ ОЗЁР

Валере Орлову

1.

У марийского бога
Рубашка – атлас,
Бирюзовое око –
Морской глаз.

Порассыпал на радость
Песен в траве,
А ещё и осталось
В рукаве.

2.

Собирайте по склонам,
В междуречье корней,
В тростниках на Зелёном –
Там верней.

На глубинах ищите,
Где мерещится сом.
День, как будто песчинка,
Невесом.

3.

Тянут с облаком невод,
Бьётся солнце поверх.
– Как зовут тебя, небо?
– Кичиер.

4.

Погружённое в грёзы
Мушаньерское дно.

Из кубышек стрекозы
Пьют вино.

5.

От поющего камня
Поверни на восход,
Отворяя стихами
Восемь нот.

Выйдешь к старому дубу
И прижмёшься плечом.
Рядом – думает думу
Пугачёв.

Други – ёлки да палки,
А дозор – комарьё.
Лешаки да русалки –
Всё зверьё.

Выгнет спину, как кошка,
Ощетинится лист:
Путник, путник, немножко
Задержись!

Вскрикнет сзади идущий,
Разыграется нерв.
Зыркнет оком из пущи
Конан-Ер.

ПРИБАЛТИКА

Я помню, поезд плыл морозной ночью...
Студенческая братия Самары,
точнее, Куйбышева, сессию окончив,
вперёд состав весёлый разгоняла.
В Москве мы день гуляли по Арбату
(и где ты ныне, фантик эскимо?),
да так, что от сапог ушла подошва –
я новые себе купила в ГУМе.

Куратор, седовласая еврейка,
везла своих девчонок поклониться
святыням Минска, Бреста и Хатыни –
остались в памяти обугленные стены,
и колокол, и каменные слёзы...

Но нас ждала Прибалтика – кусочек
другого мира, странного немного,
звучащего нелепо, но прекрасно,

как узких улочек готический мотив.
И Каунас, и Клайпеда, и Рига
сплелись в моём сознании, подобно
трём стрелкам потревоженных часов,
когда заходишь в лавку антиквара.
Казалось бы — уже ушло их время,
но шестерёнки крутятся в тебе.

Два белых лебедя, похожих на
скульптуры,
царящих в тёмных водах зазеркалья
в короне белоснежных берегов.
Музей Чюрлёниса, и музыка, и волны,
симфония воздушных пузырьков,
зелёное, слоистое, чудное...

Другой музей — название я помню,
но называть не хочется, поскольку
просила мама словом не играть,
а дедушка подшучивал над ними
и рисовал, бывало, на газете
их морды, и копыта, и рога...

Летающие высокие ворота
(за петушком ли золотым на шпиле?) —
и Домский ригорический собор,
где я орган услышала впервые,
держась за восхищённые колонны...

И узких улочек готический мотив...

Ветрами просолённая Паланга,
следящая холодными глазами
за Эгле, королевою ужей.
Так ветрено, что бронзовое платье
готово улететь из рук её...

Балтийский берег Куршского залива —
заснеженное тусклое светило
боится, видно, выпустить лучи:
не разбудить бы море ненароком.
На берегу напрасно мы искали
осколки золотого янтаря —
конечно, он давно уже разобран
неисчислимым полчищем туристов...
Зато мы увозили в пухлых сумках
чудесный прибалтийский трикотаж
и посвящённых после узнавали
по их жакетам, юбкам и платкам...

Но был ещё и старый добрый Вильнюс,
ведь только здесь могла бы я увидеть
величественный маятник Фуко,
непогрешимодвигающийся в лузы
тяжёлый шар, сияющий, как солнце
над мраморным песочным циферблатом.

...Легко и точно двигаются стрелки
старинных потревоженных часов.
Казалось бы — уже ушло их время,
но шестерёнки крутятся в тебе...

СЫЗРАНЬ

Сызрань — сыздавна, сызмала, сызнава...
Деревянное кружево крыш...
Кисть берёзы окошки забрызгала,
У которых с восторгом стоишь —

Человечишко перед вершинами —
Лепотою высокой объят.
Бирюзовая арка с кувшинами,
Где бывало, как вина, хранят.

Сызрань — сызнава... Бросит украдкою
В Крымзу солнце — сверкают круги —
И протянет с кремлёвской печаткою
Пятиречь, как пальцы руки.

Сызрань — сыздавна, сызмала, сызнава
Белой птицей уходит в полёт
И, мелодию вечности вызная,
На земле в красном камне поёт.

То светло, виновато печалится,
Не скрывая морщин на челе.
И берёза в окошке качается:
Удержись, утерпи, уцелей!..

Жив лишь только молитвами дерева
И, быть может, отвагой своей,
Там балкон до последнего держится
С благородством купецких кровей.

НЕЖНОМУ НИЖНЕМУ – ИЗ КАЗАНИ

Скоро зима.

Я давно безнадёжнейший мистик:
Всё превратится в золу
и рассыплется в прах.

Снег с аппетитом глотает зелёные листья –
Те, что ещё не успели увянуть в садах.

Но ведь и я ничего рассказать не успела –
Осень в своей кочегарке поэзы сожгла...

Жёлтый, зелёный и красный
венчаются белым,
Господи, как же корона твоя тяжела.

Пухнет земля, прирастая опавшей печалью –
Плотью и кровью кленовой, костями ветвей.
Всё породнится

с подземною речкой Почайной
И обернётся ночью Покровкой твоей.

Мир, златоустым и трепетным
некогда слывший,

Сжался сегодня до вороха
жалких листов...

Колокол нашей Варваринской
будто бы слышал

Нижегородской Варварской
потерянный вздох...

И РАДУЮСЬ О ТЕБЕ

Люби меня беспредельно
И пуще стихов алкай,
И ночью люби, и денно,
И в рубище, и в шелках.

Люби меня на излёте –
Моей ли, своей руки –
Изменчивой позолоте
И времени вопреки.

Забыв пересуды граждан,
Избытое мной прочти,

Люби меня, вечный стражник
Лукавой своей мечты.

Объятием обознача
Спасательный круг в мольбе,
Я просто о жизни плачу
И радуюсь о тебе.

СОХРАНИТЬ КАК ЧЕРНОВИК

Черновики, черновики
я отпускаю из руки...
Летите, милые, в тот круг,
туда летите,
где абрис тонок и упруг
у Нефертити.

Я – невеличка, мир – большой,
в нём сильный слабому чужой.
В нём обходительны друзья –
они обходят,
и снисходительны князья
к чужой свободе.

И я двухсотую печаль
таю у левого плеча,
но в женской нежности метельной,
тонкорукой
я всё же многого сильнее
в этом круге.

Там ты со мной на выдох-вдох,
а боль всегда звучит как Бог...

* * *

Слово, соловушко, соловей,
тёплое гнёздышко в сердце свей,
звонкое серебро оброни,
чёрного ворона прогони.

Чёрная птица речёным днём,
страшно крича, залетела в дом.
И, превращая уют в бедлам,
эхо металось по всем углам.

Слово, соловушко, истый свет,
русой весны молодой поэт,
выменяй ноченьку до утра
на серебро своего пера,

на колокольчики чутких нот,
где покаянье берёт отсчёт...
Слово, соловушко, малый птах,
что же ты медлишь в моих устах?